

Т.Б. Любимова

Идеология и здоровье нации*

Самый известный социолог-теоретик XX в., создатель структурного функционализма, Т.Парсонс писал в своей «интеллектуальной автобиографии»: «...Я пришел к мысли о болезни как своего рода форме социального «отклонения» и о терапии как деятельности, принадлежащей к очень обширному семейству типов «социального контроля», – точка зрения, за которую я дорого заплатил, будучи обвинен как агент правящих кругов, заинтересованных в сохранении *status quo*. Тем не менее, в этой моей позиции содержится определенная доля истины, которая, думаю, в основном независима от конкретной формы социального порядка. Важный теоретический момент здесь – это сдвиг от рассмотрения приложений медицинской науки, как только биофизической технологии, к рассмотрению их также и как разновидности социального взаимодействия. В более технической терминологии, которая сформировалась позднее, скажем так, что традиционный взгляд на медицинскую практику представлял ее себе как отношение между культурными системами (научным знанием) и отдельными организмами, где социальные агенты лишь внедряли очевидные послышки и выводы знания. В соответствии с иным подходом медицинские взаимоотношения трактовались, по меньшей мере, отчасти, как тонкая взаимоигра между бессознательными мотивами

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 09-03-00299а «Идеология и процессы социальной модернизации».

на личностном уровне и особенностями структуры социальных систем. Существуют и другие социологические соответствия этому двухуровневому различению врача как компетентного агента социального контроля и пациента как реципиента важных услуг такого рода...»¹. То, что Т.Парсонс рассматривал «врача и пациента как социальную систему», было уже не новостью. Не столь интересным было и то, что он эту систему видел в контексте психоанализа. Самым важным в этой связи было то, что упомянутые взаимодействия понимались не в простой фрейдистской схеме бессознательного, сознания и суперэго, а как *«тонкая взаимоотно-гра между бессознательными мотивами на личностном уровне и особенностями структуры социальных систем»*. Для целостного общества (подсистемами которого являются социальная система, культурная, личностная и система поведенческого организма²) средой являются, с одной стороны, физический мир, а с другой, «высшая реальность». Они при рассмотрении социальной системы «выносятся за скобки». Так что мы можем дифференцировать родовой, социальный и «звездный» («высшую реальность», трансцендентную возможностям аналитического рассмотрения) информационные потоки. В нашей терминологии информационный поток социума, совместно с двумя другими, детерминирующими состояние человека, в том числе его здоровье или болезнь (но для социальной системы являющиеся средой), в этом чисто социологическом подходе обрел возможность детальной и тонкой проработки. И что самое важно, медицина теперь может пониматься не как некое изолированное идеальное образование, развивающееся исключительно по своим внутренним законам, как чистая наука. Она, как социокультурный институт, также включена в процесс модернизации социальной системы; оказалось, что особенности социальных структур отнюдь не нейтральны по отношению к институту, которым является медицина, а значит, что она подвержена и идеологическим механизмам управления.

Анализ самих социальных структур и их эволюции, вариативности дан в социологической теории Т.Парсонса очень развернуто. Медицина не есть только научное (теоретическое и эмпирическое) знание и его применение к определенному объекту, т. е. организму. Она есть форма социального взаимодействия, которое испытывает все напряжения по ходу развития (в частности, дифференциации

и интеграции) социальных структур, как и любой другой институт. Она подвержена всем перипетиям процессов модернизации, претерпеваемым всем социумом и всеми социальными институтами. И в каждом социуме эти процессы имеют свои особенности. Поскольку в нашей стране эти процессы идут крайне неравномерно, то в организации этого института вместо коллегиального принципа свободной ассоциации профессионалов и пациентов-личностей до сих пор доминирует принцип бюрократической организации (для нашего социума он, по определенным историческим причинам, оказался универсальным). В элементарной ячейке «врач-пациент» ее стороны связаны отношением господства-подчинения. А вся система характеризуется иерархическим строением, т. е. все отношения между ее «подданными» носят аскриптивный характер. Отношения «врач-пациент» не являются сотрудничеством, свободным взаимодействием. Это отношения «господства-подчинения», поскольку считается, что пациент есть лишь объект воздействия, говорящая «вещь», которую надо исправить, отремонтировать. Такой код взаимодействия полностью соответствует идеологии малодифференцированного социума, находящегося на ранней ступени модернизации. Иными словами, в этом «магическом кристалле» видны все проблемы нашего социума.

Конечно, со времени создания социологической теории (структурного функционализма) прошло уже более полувека, и процессы модернизации пришли к новому этапу, к глобализации. Но из найденных ранее взаимозависимостей ничего не отменяется, добавляются новые, пока еще не очень хорошо понятые, поскольку мы являемся их участниками.

Принципиальное положение с точки зрения социальных изменений и эволюции, вариантом которых являются процессы модернизации, идущие в современном мире, можно считать важность дифференциации культурных образцов от социетального общества (т. е. от интегративной подсистемы). Для европейской цивилизации первоначальным толчком был именно подобный процесс, произошедший в античности: «... Малые сообщества – именно древний Израиль и Греция – оказались способными сделать особо заметный культурный вклад в общий процесс развития, потому что они отдифференцировались от окружающей их среды как *целостные общества*, правда, на такой основе, которая не по-

зволяла им выжить надолго в качестве независимых образований. Но их культуры смогли дифференцироваться от своих социетальных базисов и оказать глубокое влияние на последующие цивилизации. Я назвал эти общества обществами-«рассадниками». В некотором широком смысле вклады Израиля и Греции в современный мир (особенно, хотя и не исключительно, через христианство) хорошо известны, но социологический смысл явления, вероятно, не столь знаком публике»³. Впоследствии христианская церковь как самостоятельная подсистема всего позднеантичного общества Средиземноморья оказала решающее влияние на все последующее развитие. Церковь же представляла собой тоже своего рода целостное самостоятельное сообщество, институализировавшее ценности получивших как бы самостоятельное существование упомянутых предшествующих культур. Но эта «широкая» историческая картина дополнялась Парсонсом очень важным и интересным социологическим истолкованием: «общество-рассадник» и дифференцированное религиозное коллективное объединение долгое время исполняло функции, сходные в определенных отношениях с инвестированием в процессе экономического развития»⁴. Это означает, очевидно, переход к пониманию социальной системы как саморегулирующейся гомеостатической системы, в которой не может быть какого-то линейного детерминизма (например, экономического), т. е. определение характера социального взаимодействия скорее можно рассматривать как инвестирование, чем как причинное определение, объясняющее физические процессы.

Исток современных процессов модернизации, можно сказать, их алгоритм уходит в гораздо более глубокий «колодец времени», чем появление на исторической арене аскетического протестантизма, радикальное воздействие которого на развитие капитализма блестяще доказал М.Вебер. И Парсонс (соединив в единой социологической теории концепции М.Вебера, Э.Дюркгейма, З.Фрейда, В.Парето и кибернетическую теорию систем, нашел в этих концепциях «точки конвергенции») предложил очень тонко сконструированный механизм, который объясняет многое в процессе модернизации, а также вообще в строении и функционировании социальных систем. Целостное (самодостаточное в определенной мере общество – эта идея присутствует уже в «Политике» Аристотеля) способно создать такие культурные образцы, которые

(наподобие экономических ресурсов) могут быть инвестированы в другие сообщества, социальная система которых менее развита (менее дифференцирована и, следовательно, интеграция которой более примитивна, а, значит, и неустойчива). Поэтому процесс дифференциации, и идущий следом процесс усложнения (можно сказать, изошрения) способов интеграции есть магистральный путь модернизации. Впрочем, это еще показал Э.Дюркгейм в своих работах «Разделение общественного труда» и «Самоубийство: социологический этюд». Открытием Парсонса (в сотрудничестве с коллегами, разумеется⁵) была его «четырёхфункциональная парадигма», применимая не только к социальным системам, но и к любой живой системе. Эта парадигма, как некий тонкий прибор наблюдения, из сплошного нерасчлененного потока бесчисленного множества исторических событий способна вывести на экран «социологического смысла» (т. е. адекватного этим явлениям понимания) многие устойчивые последовательности, ряды (чаще всего называемые «закономерностями»). Порядок в видимом хаосе случайных событий начинает различаться и верифицироваться в большинстве случаев западных социальных систем. Это порядок решения функциональных проблем, назревающих в ходе дифференциации и необходимости новой интеграции, и отмечаемые растущими напряжениями в системе. Они были названы таким образом: адаптация, системное (не единичное) целедостижение, интеграция, воспроизводство социокультурного образца взаимодействия и скрытое регулирование напряжений (обычно эти четыре функции цитируются сокращенно: адаптация, целедостижение, интеграция и поддержание образца). Эта парадигма хорошо объясняла становление современного общества.

Центр модернизирующей инициативы из Средиземноморья перемещается в «северо-западный угол» (Англия, Голландия, Германия). Это центр промышленной революции, изменившей прежнюю структуру занятости. Самым важным изменением было разделение труда, а точнее сказать, отделение труда (и развитие профессий) от диффузной матрицы жизнедеятельности вообще. Потребовался новый тип интеграции вместо аристократического и монархического способа правления, основанного на принципе сплошного, «бесшовного» родства, тормозившего развитие новых ролевых структур, профессий и вообще социальной диффе-

ренциации. Следующая революция – демократическая, связанная с изменением социальной структуры, а именно, дифференциации политической подсистемы от социетальной. Лидером ее была Франция. Ближайшая к нашему времени революция, сопоставимая по своему значению с предшествующими по величине структурных изменений в социуме, – это революция в образовании, т. е. дифференциация интеллектуальной сферы от социетальной системы. Эта революция есть проявление институционализации более «высокой» (более генерализованной) ценности, а именно, ценности знания. Мы видим, что Парсонс иначе выстраивает последовательность структурных изменений, чем это делают обычно в исторической науке. Дело в том, что он берет за основание не лежащие на поверхности изменения в культуре, а более глубинные и скрытые взаимосвязи между разными подсистемами социума и соотношение их вкладов в общее равновесие и в развитие всей социальной системы.

Говоря самым общим образом, из фундаментальных четырех функций, присущих любой социальной системе, медицина (как институт) исполняет, прежде всего, функцию адаптации, и, более узко, социализации, аналогично образованию, у которого сходные функции. Эта функция адаптации соответствует поведенческой системе организма.

Итак, Парсонс в качестве главных этапов модернизации выделяет промышленную революцию, демократическую революцию и революцию в образовании (они выделяются именно с точки зрения изменения социальных структур). В ходе процессов модернизации на первый план могут выступать (в зависимости от конкретной ситуации в данном сообществе) та или иная базовая функция (их всего четыре, как сказано выше). От сочетания их и конфигурации их исполнения зависит успешность модернизации. Конечно, теория эта гораздо тоньше и объемнее, но нам важно лишь то, что информационный поток социума имеет очень сложную организацию. Сюда входит не только ролевая структура, в сетях которой циркулирует информация, но буквально вся социальная система, строение которой очень сложно.

Центральная проблема социологической теории была сформулирована таким образом: как возможен порядок в обществе? Почему не наблюдается предположенная Гоббсом «война всех про-

тив всех)? Следующее соображение стало первым приближением к ответу на этот вопрос: ведь даже в открытых войнах воюют между собой не индивиды, воюют социальные системы. Конфликты зарождаются не в несогласованности личных, частных интересов, они есть следствие напряжений в самой социальной системе, между ее частями или с другими системами. Напряжения порождаются (в ходе дифференциации) в рамках нормативной системы вследствие рассогласования в исполнении указанных базовых функций. Нормативная система осуществляет контроль над всеми социальными действиями, независимо от экономических и политических интересов. В этом ее суть, причем нормативный контроль осуществляется особым образом, отличным от насильственного принуждения, что обеспечивает гомеостаз социальной системы. В какой-то мере она отражена в культуре (в некотором смысле она и есть культура, как система образцов социального действия), и в то же время, она культурой определяется. Информационный поток социума не является хаотичным, не является хаотичной и его эволюция во времени, т. е. история. Осознать присущий ему порядок очень непросто, но социологическая теория именно этим и занимается. И поскольку американское общество оказалось в XX в. (да и по сегодняшний день) наиболее модернизированным, то оно в этих процессах стало ведущим и для других стран (в XVII–XIX вв. интенсивные процессы модернизации шли, прежде всего, в Европе). Оно же стало лидером процесса глобализации.

Можно по-разному трактовать события нашей современности, но решать нередко головоломные задачи, стоящие перед нашей страной, приходится нам с учетом этого процесса, обойти который не предоставляется возможным. Следовательно, необходимо понять, почему в нашей стране постоянно пробуксовывают все усилия по модернизации не столько в экономической подсистеме социума, сколько в самой социальной структуре, в устройстве социальных взаимоотношений, в организации социального действия. Мы не только не прошли этап демократической революции, но мы претерпели регресс (в результате «перестройки») к состоянию социума, характерному для преддверия промышленной революции. Результаты революции в образовании (несомненно, произошедшей в Советском Союзе⁶) также можно считать уничтоженными в настоящее время, поскольку высшее образование стало недо-

ступным для широких масс (в развитых странах количество получающих высшее образование среди соответствующей возрастной группы превышает пятьдесят процентов, – данные еще для середины XX в.). То есть можно сказать, что мы по всем показателям претерпеваем регресс к слабо модернизированным странам. К сожалению, модернизация у нас понимается каким-то слишком инструментальным образом, в то время как ее «перводвигатель» есть дифференциация социетальной (интегративной) системы⁷ от остальных подсистем. Очевидно, что регресс ослабляет не только способность адаптации к внешней ситуации, но также и интеграцию самой социальной системы. Состояние «спутанности» в составе социальной структуры (т. е. наличие элементов из разных систем, никак между собой не согласованных, что вынуждает «замораживать» систему) усугубляется нарочито прививаемой «ностальгией» по «ушедшей России». В этом пункте мы непосредственно сталкиваемся с идеологией, с информационными войнами, ибо эта ностальгия демонстрирует лишь совершенное непонимание ситуации, если вынести за скобки вероятный эгоистический или даже корыстный интерес сторонников романтизации этой самой «ушедшей России» (например, призывы к возрождению монархии и усилению православия и вообще расчет на религию; эти призывы никак не могут считаться незаинтересованными).

Сохранение жизни, поддержание здоровья и продолжение рода могут рассматриваться как универсальные ценности, присущие любой культуре и регулирующие социальные действия в любом обществе. Это не те генерализованные абстрактные высшие ценности-идеи, которые возвышаются в том или ином сообществе на определенном этапе модернизации, которые, оставаясь как общий фон, могут давать место широкому спектру интерпретации, подобно ценностям свободы, равенства и братства, выдвинутым Французской революцией и отметившим собой переход к новому этапу модернизации социальной структуры, а именно, к *демократической* революции. Универсальные ценности жизни, здоровья и рода, хотя, как и все ценности, подвержены интерпретации, тем не менее, являются вполне конкретными. Это конкретные универсалии.

Медицину, по аналогии с образованием, как социокультурным институтом, обеспечивающим ценность «знания», можно рассматривать как институционализацию преимущественно ценности

здоровья. Становление этого института проходило те же стадии, что и любого другого института. Революция в образовании вызвала к жизни не только всеобщее начальное, но и высшее образование, доступное всем членам общества, по крайней мере, в развитых странах. Существование университетов и академий не есть изобретение нашего времени (еще Дж.Вико в XVIII в. афористично изображал ход истории таким образом: сначала были хижины и замки, потом города, а затем – академии), но, учитывая их решающее значение в современном обществе («знание – сила», «знать, чтобы мочь») и их «коллегиальное» устройство, свойственное им по самой их природе (в отличие от бюрократического, присущего предприятиям и властным структурам), можно сказать, что современное общество приняло более высокий уровень целеполагания. Это не прибыль (инструментальная ценность, управляющая рынком, ценности которого не выходят за уровень адаптации), это не свобода, равенство, братство (ценности демократической революции), а это ценности культуры, прежде всего, Знание. Это не значит, что прежние ценности отменяются, напротив, они составляют необходимый фундамент все системы ценностей⁸. Этот же путь проходит институт медицины, т.е. наряду со Знанием высшей ценностью должно стать Здоровье.

В нормально функционирующей социальной структуре, которая отвечает за интеграцию всей системы взаимодействия, обязательно должен быть уровень, трансцендентный ей самой; символический уровень (культура) обеспечивает эту «трансценденцию» (не в кантовском, гносеологическом смысле), т. е. обозначает для нее цели, выходящие за саму четырехфункциональную систему. Это можно понять таким образом, что подсистема культуры ориентирована на «высшую реальность». Если для революции в образовании и той революции, которую производит образование в строении социальной системы, это более или менее очевидно (знание ценно само по себе, это по преимуществу не инструментальная ценность), то для социокультурного института медицины это требует пояснения. Ведь медицина, по видимости, имеет дело только с организмом человека, в теории социального действия обозначаемом как «поведенческая система организма», у нее цель вполне конкретная – здоровье индивида, что на первый взгляд не предполагает никакой «высшей реальности». Таким образом, представ-

ляется, что эта подсистема всей системы взаимодействия отвечает преимущественно за функцию адаптации. Кстати, сравнительно оценивая существующие в настоящее время на Земле общества, в пользу современных западных обществ приводится тот аргумент, что они более адаптивны, т. е. они лучше организованы по базовой функции адаптации. Но ведь это вовсе не означает, что они для всего человеческого сообщества (человечества) тоже выполняют эту функцию, не говоря уже о других функциях. Их взаимодействие с другими системами, поскольку они более приспособлены к выживанию в окружающей среде (а средой для них являются, в том числе, и другие сообщества), может быть разрушительным и реально таковым является. Напряжения, возникающие в этом взаимодействии, нередко выливающиеся в разрушительные войны, с социологической точки зрения есть знак того, что назревает новая революция в организации глобального социального взаимодействия. Если воспользоваться той же четырехфункциональной парадигмой, то можно предположить, что произойдет новый виток «генерализации ценностей». Адаптация не может быть высшей ценностью существования человечества (именно с точки зрения этой функции выстраивается идеология «выживания»). Т. е. человечество не может быть организовано по модели только поведенческой системы организма. Процесс дальнейшей модернизации должен пойти по пути инвестирования новой генерализованной ценности. Подобно тому, как в древности Греция и Израиль инвестировали ценности своих культур (не зная об этом) в развитие европейской цивилизации, так и сейчас необходима инвестиция более универсальных высших ценностей в развитие человечества (без чего невозможно и его выживание). Это отнюдь не те «общечеловеческие ценности», извлеченные из давнопрошедшего времени, от имени которых была совершена идеологическая революция в нашей стране во время «перестройки»

В русской философии начала XX в. высказывалась мысль, что общество есть личность. Однако в качестве оснований этого тезиса принимались религиозные (христианские) представления. Религия как институт более или менее успешно исполняла, прежде всего, функцию поддержания образца социального взаимодействия, а, следовательно, и интегратора (т. е. была частью социетальной системы) в эпоху Средневековья, в малодифференцированных сооб-

ществах. Религия в современном обществе не исполняет ни одной из значимых функций, ни интеграции, ни адаптации индивида к социуму (она не компетентна в этом), ни тем более функции целедостижения (т. е. для современно личности она не может предложить достойные цели, только фантастические), а те образцы социального взаимодействия, которыми она обладает (например, Домострой), никак не вяжутся с требованиями развития общества. Поэтому понимать общество по модели личностной системы можно считать несвоевременным и нереалистическим предложением.

Осталось обсудить еще два уровня: культуры и социальной системы.

Норма здоровья для современного человека ориентируется на такого индивида, который может правильно функционировать в современном (патологическом) социуме. Тему социальной патологии можно рассматривать не только внутри социума, то есть не в отношении отдельных проявлений и процессов внутри конкретного социума, а в приложении ко всему целому. Причем «норма» всего устройства социума не должна извлекаться из того или иного существующего образца, как это делает любая идеологии; в настоящее время в качестве нормы предлагается американский образец социального устройства. К тому же, как в любой идеологии, сомнения в нормальности такого устройства запрещаются. Впрочем, некоторые основания для такого мнения имеются, например, успешность в модернизации социальной системы. Идеология же всегда имеет своим адресатом «широкие массы», т. е. все социальное сообщество. Сами идеологи вовсе не обязаны верить идеологическим концептам, они просто их производят как продукт. Подобно тому, как лекарство, предлагаемое пациенту, сам врач вовсе не должен принимать. В этом смысле всякая идеология подобна рынку, на котором происходит процесс взаимообмена. «Идеи», «максимы», «принципы», «ценности», – все это средства обмена, подобные по своей функции деньгам, влияниям, власти. Но это не просто некие информационные комплексы, они суть информационные инструменты, преимущественно обслуживающие власть. С этим связано негативное отношение к идеологии, но оно, это отношение, есть только результат противодействия той или иной формы власти, устранить саму идеологию как таковую невозможно, это равносильно уничтожению любой возможности информационного об-

мена. Ввиду ее диффузности (не в смысле формулировки конкретных идей, а в смысле разлитости, присутствия как фона) она, как правило, не обязательно обладает стройной концептуальной системой, хотя и это не исключено. Важно, что в ней, как в какой-то среде, совершаются все прочие акты взаимодействия, в которых уже фигурируют более кристаллизованные посредники, т. е. упоминавшиеся уже деньги, влияния, власть и ценностные приверженности. Ценности являются как раз полюсом тяготения всей этой системы, именно они связывают всю нормативную систему (которая обладает большей стабильностью, нежели конкретные формы социального действия) с подвижной информационной «средой», называемой идеологией. Нормативная система пропитывает собою всякое социальное действие и все сообщество в его совокупности. Но реализуется норма через посредство этой «среды», посредничество идеологии позволяет абстрактной норме быть исполненной в частном действии и в конкретном образе жизни.

Помимо ценностей, в разной степени генерализованных, идеологию наполняют множество разнообразных мнений, убеждений и представлений, организованных ради определенных целей конкретных групп данного сообщества. Поэтому можно говорить об идеологии сообщества в целом (марксистская идеология, идеология мирового господства, фашистская, демократическая, либеральная и т. п.) **и об идеологии любой более или менее самостоятельной группы** (например, профессиональной группы ученых). Иными словами, этим информационным инструментом власти не стоит пренебрегать, просто сам этот инструмент стоит рассматривать не идеологически, а чисто инструментально. Тогда становится очевидным, что идеология всегда исполняла и продолжает исполнять внутри социума функцию интеграции, отчасти также и поддержания образца для социального действия, а вовне она исполняет функцию целедостижения, точнее, формулировки приемлемых для сообщества целей. Она, таким образом, как бы цементирует социальную систему (т. е. интегративную для всей социальной системы).

Для нашей страны важно то, что социальная система постоянно подвергается деформациям извне, она не может непрерывно пройти те неизбежные ступени модернизации, которые прошли все страны Европы, теперь проходит и весь мир. Мы включены в

этот процесс, как бы мы не протестовали против этого и не возвращали ностальгические мечты о благополучном прошлом России и о возможности реставрации прежних социальных институтов. Сюда относится наша «новая религиозность», наивная надежда на то, что церковь может в современном обществе исполнять какую-нибудь позитивную (помимо музейной) роль. В этом же ряду стоят безумные грезы о восстановлении монархии, увлечение аристократической культурой, причем «болеют» этой ностальгией те, кто отнюдь к этой культуре не был причастен. На самом деле, эти проекты, будь они реализованы, навсегда отбросили бы нашу страну в разряд неразвитых, не конкурентоспособных стран с бесплатными для всех желающих ресурсами. Эти настроения сильно напоминают мечты о *Gemeinschaft*⁹. Наличие в нашем социуме подобных иллюзий свидетельствует, прежде всего, о том, что произошел регресс социетальной системы. Обращение к ветхим формам, совершенно не способным исполнять ни функцию интеграции, ни какую-либо иную функции в современном мире, говорит лишь о том, что после обесценивание прежней идеологии возникло противодействие (тоже, разумеется, идеологическое) становлению новой, адекватной задачам модернизации социальной системы. Я думаю, что ядром новой идеологии должна быть ценность здоровья.

Идеология, помимо прочего, есть, как уже говорилось, информационный инструмент власти, формы ее разнообразны и в какой-то мере соотносимы с изменениями форм власти. Раз этот инструмент создан из информации, нацелен на информацию, т. е. это и инструмент и материал, с которым он имеет дело, то весь этот властно-идеологический процесс следует рассматривать как информацию, что дало повод к отождествлению идеологии и языка, так же как и культуры и языка в постструктурализме. Язык, конечно, универсальный посредник всякого общения, а культура и идеология есть объективация общения.

Как самостоятельный феномен управления социальными и культурными процессами, идеология проявилась вместе с Реформацией (в традиционном обществе религия продолжала в целом исполнять функцию контроля и ориентации, предоставляя стандарты объяснения мира и поведения в нем). Так что ее можно назвать религией современного светского общества, но с «догматическим ядром», не санкционированным священным символиче-

ским уровнем культуры. Она санкционируется другими идеями и ценностями. Идеология, ставшая нефиксированной, рассеянной во многих составляющих элементах современной культуры, исполняет множество функций. Главная из них – интеграция социума.

Но не исчезло и то, что делает ее «ложным сознанием», как ее понимали в марксизме и неомарксизме. Когда эти информационные инструменты превращаются в «оружие» (а это может произойти с любым инструментом), то, очевидно, что развязана информационная война, она же идеологическая.

Современный мир демонстрирует, что этот информационный инструмент носит чисто виртуальный характер, т. е. предмет (ситуация, истолковываемая идеологически) появляется вместе с «определением ситуации», т. е. с применением идеологического «аппарата». На смену больших идеологий пришел так называемый плюрализм, идеологический дизайн, т. е. проектирование в этой информационной области. Проекты начинаются с новых формулировок в сфере ценностного сознания. Ценностное сознание – необходимый спутник идеологии, оно возникает вместе с идеологией как относительно самостоятельного явления. Ценности – суть компоненты нормативной системы, которые принимаются как очевидное благо, а так называемые высшие ценности заменяют собою догмы религии, только они не оправдываются священным (религиозной догмой), а ссылаются на более абстрактные и общие идеи (тоже ценности), например, всеобщее благосостояние, свобода, равенство, братство, светлое будущее и т.п. Идеология манипулирует с ценностным сознанием, ее идеи не есть предмет знания, это предмет веры или преданности.

В современном мире идеолог должен быть дизайнером, т. е. уметь быстро находить оригинальное решение (не реально, а виртуально) в подвижном и зыбком пространстве информации. Он есть образ незыблемости в океане событий. На деле же он не автор, он только озвучивает и визуализирует постоянно меняющийся вектор общественного мнения, по мере сил оказывая на него желаемое влияние. Аналогия с театром отсылает нас к метафизике всякого «представления», представленности.

Если идеология не может быть истинной или не истинной, то, по крайней мере, она может быть здоровой или нездоровой, подобно тому, как она может быть адекватной тому состоянию социума,

к которому она обращается. Однако эти слова можно использовать не метафорически, тогда, если возможна идеология свободы (либерализм), то ничто не мешает быть в центре идеологической системы здоровьем, она может быть идеологией здоровья. В упоминавшейся выше «четырёхфункциональной парадигме» она есть посредник между уровнем культуры, как системы «поддержания образца», социетальной (интегративной) системы и личностной системой. Ее универсальный посредник обмена, подобный деньгам в экономической подсистеме, есть идеи и мнения.

Здоровье. Возможна ли в действительности идеология здоровья, как она возможна и есть ли необходимость в такой идеологии, где высшей ценностью будет именно здоровье? Что становится ценностью для человека, для социума, наконец, для человечества? То, что настоятельно необходимо или желательно, но одновременно находится под угрозой (исчезновения, повреждения). Это всегда то, что осознается как достойное сохранения, приумножения, поддержания, ради чего организуется социальная деятельность. Конечно, здоровье в этом смысле всегда было, есть и остается ценностью. Но может ли оно рассматриваться как высшая ценность? При встрече мы все желаем (между прочим, в повелительном наклонении) друг другу здоровья, очевидно, что «желаемое», «желательное» – модальности необходимого и возможного. Весь вопрос в том, чего же мы на самом деле желаем (т. е. что же такое в реальности есть искомое здоровье), и может ли это «желаемое» стать всеобщим (тотальным) и действительно осознаваться необходимым (поскольку, по крайней мере, в нашем обществе есть устойчивый стандарт «жертвовать своим здоровьем»). Болезнь отрицает эту ценность и угрожает ей. А что такое болезнь? Каждый из жителей нашей Планеты переживает это состояние, но знают ли они, что переживают? Вот в чем вопрос.

Болезнь – вот настоящий враг всего человечества, а не только отдельного, каждого, частного человека. Если оно погибнет, то не от потопа, не от глобального потепления, не от ядерного взрыва, а именно от болезни. Она одна, подобно тому, как у отдельного человека диагнозов и симптомов много, но болезнь одна. Корень ее не в физическом теле, а во всем (тотальном) составе человека, включая тонкое тело, духовные «тела»¹⁰ и, конечно, само физическое тело как видимое проявление всего этого состава. Также и челове-

ство, которое тоже является в определенном смысле «индивидом», страдает одной болезнью; корни ее также уходят глубоко в недра его духовного бытия. Единство этого «индивида» неощутимо, его невозможно предъявить или что-либо с ним сотворить. Но оно полагается в идее однократности его сотворения и реально проявляется в «глобальных катастрофах». Болезнь – свидетель разрушения этого единства. Здоровье – истина существования человечества и человека в физическом мире. Но человечество как стояло перед порогом «старости, болезни и смерти» во времена Будды (впрочем, во все исторические времена), так и продолжает перед ним стоять все в том же недоумении. Будда призывал к состраданию, Иисус – к любви. Но ни то, ни другое невозможно в состоянии «старости, болезни и смерти».

Взгляд извне, «с позиции Бога» на события и явления нашей жизни как на единое целое полностью меняет «полюса» всех отношений. И тогда любовь, сострадание уже не предписание, не императив. Это присутствие «киного мира» – в нашем. Как можно не любить ближнего и даже любого дальнего, если только представить себе, что ты больше никогда, нигде не встретишь этого человека, не сможешь ему сказать или услышать от него ни одного слова, не увидишь выражения его лица, ничего о нем никогда не узнаешь! Это «ничто и никогда», т. е. состояние по ту сторону смерти, конца нашего земного существования, полностью меняет все знаки отношений между людьми, не только ненависть, агрессия, но и нелюбовь становятся совершенно невозможными. Правда, тогда, когда болезнь не до конца сковала существо человека.

Идеология не есть взгляд извне, как раз напротив, это взгляд изнутри. Ее состав – идеи и представления конкретного социума, – многослоен, изменчив. Эти идеи и представления как бы невидимым покровом «общественного мнения» облекает собою все стороны жизни. Негативное отношение к идеологии – недавнее явление, которое само также заострено идеологически. Рассмотрим состав идеологии, как обобщенного средства взаимодействия элементов нормативной системы, частью которой она является. Формально идеология всегда складывается из системы ценностей и норм, интерпретируемых в бытующих в социуме «знаниях». Назначение этих «знаний» придавать нормам и ценностям обязательность истины. Разумеется, они, знания, суть мнения, их «истинность» есть

всего лишь доверие к ним, вера, приверженность, отчасти основанные на эффективности их роли в качестве инструмента интеграции социума. Эффективность же эта подвержена значительным флуктуациям.

В центре всей нормативной системы находятся высшие ценности. Формально высшей ценностью всегда будет Благо, которое еще Платон считал высшим смыслом существования. Благо – категория метафизическая. При конкретизации она интерпретируется в зависимости от «определения ситуации», т. е. от того, как человек понимает мир, себя, обстоятельства своей жизни. Конкретизация высшей ценности (метафизической и формальной) производит определенный набор идей, предназначенных для долговременной ориентации во множестве «определений ситуации». Ситуации меняются не синхронно, в разных направлениях и ритмах, поэтому ценности остаются отчасти неопределенными. Но когда осознается как самое неотложное одно из определений, т. е. когда ситуация проблематизируется, тогда и ценности понимаются уже вовсе не столь формально, облекаются множеством норм, правил, в том числе и нравственных. В современных обществах конкретизация ценностных смыслов происходит внутри разветвленной системы институтов (институционализация ценностей происходит в ходе исторической дифференциации видов социального действия). Современная ситуация сложилась таким образом, что именно здоровье должно стать высшей ценностью. Ценность здоровья институционализирована в социокультурном институте медицины. Однако этот институт по неисследованным пока причинам оказался крайне неэффективным. Следовательно, жизненно необходимым для выживания каждого индивида, каждого общества и всего человечества является выяснение причин этой неэффективности. Здесь недостаточно было бы взгляда изнутри этого института медицины, недостаточны также и чисто социологические или экологические познания, необходим синтетический взгляд на здоровье, а точнее говоря, метафизический.

Ценность здоровья значительно отличается от многих иных. Это не просто высшая, но универсальная ценность. В чем же ее универсальность? Универсальная ценность такова потому, что ее «обесценивание» влечет за собой опровержение всех иных ценностей (без здоровья не может быть ценным ни свобода, ни добро, ни

что-либо иное, хотя бы потому, что они не могут быть реализованы). Это есть в то же время универсальной критерий того, что должно быть и каким это «что» должно быть, т. е. критерий, применимый ко всем сторонам жизни и в целом к универсальному существованию. Однако здоровье в этом случае надо понимать не только как состояние организма, а как интегральное состояние всего человека. Все дело в том, как понимается сам человек.

Здоровье, разумеется, всегда входило в систему ценностей культуры любого социума. Однако на первый план оно ставилось не так уж часто. Если вспомнить недавнюю историю, то здоровый образ жизни, здоровое тело было безусловной ценностью в Третьем Рейхе и в то же время в Советском Союзе; сам по себе этот факт не подлежит обсуждению и осуждению. Характерный стиль в искусстве – в особенности, изображение здорового, молодого тела, спортивного, «мажорного», – навсегда сохранило этот след возвышения здоровья над всем остальным. Но все-таки нормального человека такой идеал «здорового тела» если не отталкивает (потому что ведь это было нередко очень талантливо), то несколько все же отстраняет. Невозможно слиться с таким идеалом. В чем же дело? Ведь невозможно не любить и не желать здоровья! Все дело в том, что человек в этом случае (тоталитарных культуры и искусства) воспринимался именно и преимущественно как физическое тело. Вопреки мнению о мистической подоплеке тоталитарных идеологий (эзотеризм был предназначен только для «элит»), они принципиально есть продукт западной материалистической культуры. России эта идеология была навязана, хотя это внедрение облегчалось тем, что интегрирующая функция религии ослабла (что было закономерно), а нормативная система не успевала достаточно дифференцироваться для решения задач интеграции развивающегося социума (монархический способ правления был, конечно, здесь тормозом). Что касается оккультной подоплеки идеологии Третьего Рейха, то оккультизм прекрасно сочетается с материализмом. Человек здесь был сведен к плоскости материального проявления, и уж конечно он не был «высшей реальностью», а был чисто материальным средством достижения политических и, конечно, экономических целей властителей мира (овладение ресурсами оплачивалось человеческими жизнями). Хотя в названных выше социумах власть прибегала к услу-

гам оккультных наук, тем, не менее, все эти представления, идеи и методы опирались на очень ограниченную идею человека. Надо сказать, что и в современной западной культуре, прежде всего в американской, совершенно такой же идеал «здорового образа жизни». И хотя американское общество является наиболее высокодифференцированным, с развитой социетальной системой, оно не может похвалиться ни большой продолжительностью жизни, ни реальным здоровьем своих граждан.

Мне представляется, что пример западного мира в деле обретения здоровья есть как раз свидетельство того, что сама эта цель недостаточно осмысленна, а средства ее достижения вовсе неадекватны. Прежде всего, как уже отмечалось, идея здоровья соответствует тому, как понимается человек. Очевидно, что от этого также зависит и представление о том, что такое болезнь. Если человек есть, по сути, физическое тело, «оживляемое» физическими и химическими процессами, то здоровье есть согласованность этих процессов, болезнь – нарушение нормального протекания этих процессов. Лечить, следовательно, можно физическими и химическими методами. Это идеологическая основа современной медицины. Она материалистична и эмпирична, но самое худшее то, что она организована точно так же, как другие институты общества, с одной лишь спецификацией, состоящей в том, что рассматривает человека как органическое животное тело, наделенное, правда, сознанием. Иными словами, идеология современной медицины довольно примитивна, при значительно развитой области эмпирического знания о самом организме человека (о клеточном, органном, системном его составе). Понятно, что интерпретация получаемых данных, обеспечиваемая этой примитивной идеологией, не может вести к успеху. Институт медицины есть следствие дифференциации социальной системы, интенсивно шедшей в западном мире в последние тысячелетия (нам сразу же напомнят об успехах восточной медицины, но там она не институционализировалась, оставаясь вплетенной в религиозную практику, по преимуществу). В этом смысле рассматривать здоровье, абстрагируясь от социальных и культурных процессов, в том числе, идеологических, идущих в современном мире, невозможно. Но сами эти процессы понимаются с социологической точки зрения, что можно сделать, только абстрагируясь от метафизики человека, что все время и делается.

Однако для достижения цели здоровья это оказывается тупиковым направлением. Одним из препятствий здесь оказывается идеология здоровья, институт медицины сам не может изменить свою идеологию, ведь она есть лишь частное приложение тотальной идеологии данного сообщества. Следовательно, это есть задача философии, она должна предложить более высокую точку зрения, с которой открылась бы иная панорама. Эта точка зрения – другой взгляд на человека, не только и не столько как на социальное и в то же время родовое существо, но, прежде всего, как на планетарно-космическое существо, как на «высшую реальность».

Человек не есть ни в коей мере материальное тело. Он – дух, облаченный «в кожаные ризы». Причем духовный состав этого целого существа, обладающего человеческой формой, сложен, в информационно-энергетическом плане он доминирует, определяет и форму физического тела, и все события нашей жизни. Физическое тело лишь след, отпечаток, малая часть нашего духовного состава.

Более объемная, чем современная, идея здоровья, воплощенная в индивидуальном существе, т. е. идеал, существовал в античной Греции – гармония тела и души, «в здоровом теле здоровый дух». Иными словами, не здоровье как состояние человека (в целостности его телесного и духовного состава) идеологизировалось, а сама идеология была более здоровой. Критерий здоровья приложим, таким образом, не только к телу (организму), душе, духу индивида, но и к сообществу, к образующим его культуру институтам, в частности, к идеологии. Поскольку идеология облекает как покрывалом все стороны социальной деятельности людей, постольку тотальное здоровье (т. е. все сферы деятельности рассматриваются с точки зрения здоровья) выступает как самый предельный критерий любой деятельности. Это не просто высшая, но и «повсеместная» ценность, контролирующая все остальные, то, что в настоящее время есть «полус», узел всех мировых причинных, силовых и смысловых линий.

Пифагор исцелял знанием и музыкой, математикой, этикой, наконец, философией. Здоровье или болезнь есть состояние человека, и, следовательно, состояние всего того мира, центром коего он является. Именно человека, а не только его физического тела, организма, то есть не только видимой его формы. Быть здоровым означает для всего его состава пребывать в гармонии, стремиться к

мудрости, знанию, пребывать в любви. Таков примерно был античный идеал целостности человека. Понятно, что, проходя разные исторические этапы дифференциации, он должен был распасться. Остается предвосхищать новый синтез.

Здоровье сейчас определяют через норму, то есть отождествляют их. Норма это всего лишь моментальная мера какого-то качества, но предлагаемая для всех случаев, когда соответствующее качество можно идентифицировать. Иными словами, норма есть формальное понятие, прилагаемое к наблюдаемому состоянию. Природа нормы статистическая. Не существует нормы вообще, но она есть всегда обобщение ряда эмпирических ситуаций, что с необходимостью предполагает сравнение разных случаев. Но, разумеется, одно дело норма здоровья и другое дело нормы, относящиеся к взаимодействию людей, внешние нормы, так сказать. На первый взгляд, это просто совершенно разные вещи, хотя и взаимозависимые, ведь если социум «болен», то, естественно, и его нормативная система, связующая между собою все его части, тоже искажена, нездорова. И тогда организму человека приходится преодолевать гораздо больше искажений, нежели те, которые могут идти от так называемых природных условий. Невозможно быть «нормальным» в ненормальном обществе, где сама норма есть искажение; значит, здесь только больной и считается здоровым. Но не надо думать, что именно в устройстве социума заключается причина болезни; это тоже всего лишь следствие, точнее, проявление общего нарушения строя жизни.

Норма всегда выступает как критерий оценки отдельных случаев, и смысл ее можно установить только в соотношении с другими нормами, иначе говоря, смыслом наделена не отдельная норма, а вся нормативная система в целом. Система же социальных норм, хотя, по-видимому, складывается «естественно», на самом деле есть искусственный, виртуальный «скелет» возможных событий, их схема, спроецированная на некий мнимый экран, который в современной социологии был назван культурой. Будучи по своей сути схемой, эта нормативная система имеет склонность быть формальной. По ходу процесса ее формализации образуются кодексы разнообразных социальных институтов. Так точно и здоровье из состояния конкретного человека превращается в момент или в деталь соответствующего института, то есть медицины и здравоохранения.

Медицина, религия, музыка, искусство, спорт, наука – все это частично обособленные разветвления внутри одной нормативной системы. Поскольку каждый институт есть, в том числе, иерархия власти, то каждый конкретный индивид со своим здоровьем и болезнью оказывается лишь «подданным» во всех упомянутых частях этой системы. Мы назвали музыку и искусство потому, что первоначально им отводилось важное место в поддержании состояния здоровья человека. Вероятно, древние имели в виду какую-то другую, вселенскую музыку (для Пифагора это была музыка сфер), поскольку вряд ли то, что сейчас предстает под этим названием, может оказывать лечебное действие. Сейчас все социальные институты воспроизводят (с отставанием и усугублением) один-единственный «каркас болезни», то есть тот принцип, который лежит в основе всей современной цивилизации, а именно, то, что Гегель изобразил в знаменитом пассаже о господине и рабе в «Феноменологии Духа».

Там, где господство и рабство, там нет здоровья, эти два состояния взаимно друг друга разрушают. Мы не будем вдаваться в подробности, важно, что эта диалектика не исчезает из современных социальных институтов, а присутствует в них в закамфлированном виде, хотя весь ход модернизации стремится к высвобождению из дурной бесконечности этой диалектики. Она присутствует там, где есть собственность и власть. Власть и могущество различаются в русском языке (в европейских языках они нередко обозначаются одним словом). Могущество есть простор для проявлений воли, ее потенциал; власть же всегда предполагает возможность насилия над волей другого, и в своем точном значении она есть возможность уничтожения предмета (если имеется в виду власть в материальном мире и над природой) и убийства, монополии на преступление (если имеется в виду власть над людьми и живыми существами). Пирамида могущества обращается в пирамиду власти, когда исчезает вершина пирамиды, ее верхний, интеллектуальный уровень. Пирамида могущества конституируется духовным авторитетом, удерживается энергией интеллекта; пирамида власти конституируется насилием и удерживается страхом (не имеет значения, прибегают при этом к «демократическим институтам» или каким-то иным). На верхних ступенях пирамиды могущества – знание, здоровье, способность

исцеления других живых существ и забота о них, а также те «способности», которые так поражают воображение простых людей, вроде хождения по воде и по воздуху, способность вызывать дождь и т.п. На вершине пирамиды власти – чистая виртуальность: в современном мире это формальная нормативная система (закон), а также фиктивный капитал со всеми его последствиями. Власть исключает могущество, она им жертвует, а отнюдь не предполагает его, поэтому она прибегает к насилию, обману и коварству. В соответствии с этим властным «каркасом болезни»¹¹ выстраиваются не только социальные отношения, но что самое печальное, отношения к природе и к своему организму. Чтобы властвовать, надо вытеснить из сознания здравый смысл, только так возможно властвование и подчинение. Даже минимальная дисциплина строится на актах абстрагирования от возможно полного сознания ситуации, то есть от здравого смысла, который «делегируется» какой-нибудь абстрактной сущности¹². Абстрактный человек начинает диктовать свой «закон» конкретному живому организму, а значит, тому здоровому человеку, которым каждый житель Земли был изначально сотворен. Абстрактный человек (то есть тоже виртуальный, обозначенный цифрой его участия в «общаке» фиктивного капитала и позицией в социуме, фиксированной нормативной системой) понимается как господин природы внешней и собственной, то есть своего тела. Это значит, что природа становится его рабом, рабом этого фиктивного, абстрактного человека, точнее, она принуждается к этой позиции. Соответственно, природа начинает пониматься как лишенная души и смысла. Все призывы возврата к природе вызываются этим конфликтом; хотя они выглядят утопически, но еще более утопической представляется вера в технический прогресс, то есть бесконечного усиления власти над природой. Сторонники научно-технического прогресса выдвигают «утешительный проект» будущего Земли-сада, предполагая превратить девственные леса в парки и контролируемые человеком заповедники. Удивительное нежелание видеть неустраняемые последствия научно ориентированной деятельности человека. Наука и техника (в их современном виде) губительны для Земли как целостного живого организма. Их «демонизм» состоит в том, что чем они сами становятся совершеннее, тем сильнее деградирует человек и его среда обитания. Это не значит, что можно обойтись

без них. Поэтому надо ставить задачу не просто возвращения к природе, а к своей здоровой природе, включающей в себя и здоровое мышление.

Физическое тело человека, то есть организм, видимая часть всего его существа, настроено на Вселенную и на планету Земля и связано с ними бесчисленными «струнами», каждое мгновение оно «звучит» иначе, в согласии с непрерывно меняющимися обстоятельствами. Вероятно, древние (вплоть до Пифагора) имели в виду вселенскую музыку в каком-то буквальном смысле, теперь же мы понимаем ее только символически. Они умели ее слушать, и слышали ее, то есть были более открытыми, а, может быть, обладали особым «внутренним чувством», идущим от духовного двойника человека. Пифагор внес первую формализацию; впрочем, он ее, возможно, только «опубликовал», сделал доступной для многих, а она уже существовала задолго до него. На этом «корне» вырастают уже дифференцированные дисциплины: музыка, математика, медицина, а вселенская музыка становится все менее различимой, звучит все глуше и глуше, и, наконец, ее уже никто не слышит. Ее только предполагают. Тождество микрокосма и макрокосма из конкретного становится только символическим. Музыка уже не лечит, а лишь облегчает страдания. Наука (медицина) разделяется на дисциплины и начинает иметь дело уже не с человеком, а с симптомами, проявлениями болезни. Вместе с медициной (как нормативной системой) возникает физическая культура тела, то есть тело отделяется от всего состава человека и начинает существовать как бы самостоятельно. Религия, подхватившая это отделение тела, получает дополнительный инструмент для манипуляции над душами. И так далее продолжается хорошо отлаженное дело расчленения человека, и с каждым новым надрезом все больше и больше искажений проникает в мир каждого; никто во всей надстраиваемой виртуальной иерархии разветвляющихся социальных институтов не может ускользнуть от этого процесса. Музыка и искусство берут на себя роль анестезии. Религия начинает все больше и больше обслуживать саму нормативную систему социума, в первую очередь, ее узловые структуры, особенно, государство и власть.

Философия по замыслу древних учителей должна была бы учить здоровью (Демокрит называл медицину сестрой философии), но то, что мы привыкли называть философией, по крайней

мере, западной, давно уже превратилось только в книжное знание; философы стали библиографами и гордятся этим! На Востоке, в Индии, Китае, где занятия философией были связаны с духовными практиками (йогой, с внутренней алхимией, с магией и поисками путей достижения бессмертия, продления жизни, с достижением идеального здоровья), там и судьба философии была иной. Впрочем, сами эти практики возникли из стремления восстановить утраченную уже к этому времени восприимчивость к «речи Космоса» (музыке сфер), к вселенской духовной энергии. Во всяком случае, идея здоровья как включенности человека во вселенские ритмы и процессы, как раскрытие его перед высшей реальностью (в том числе, и своей собственной), свойственная традиционным учениям, ближе к истине и может занимать место высшей ценности, сходной с ценностью совершенства.

Норма здоровья для современного человека ориентируется на такого индивида, который может правильно функционировать в современном (патологическом) социуме. Тему социальной патологии можно рассматривать не только внутри социума, то есть не в отношении отдельных проявлений и процессов внутри конкретного социума, а в приложении ко всему целому. Причем «норма» всего устройства социума не должна извлекаться из того или иного существующего образца, как это делает любая идеология; в настоящее время в качестве нормы предлагается американский образец социального устройства, западная демократия. Но один момент этой идеологии все же существенен для нашего рассмотрения, а именно, отношение к возрасту и здоровью. Адекватным возрастом для нее является возраст возможного успеха, то есть активного социального действия, в основном бодрая зрелость и молодость, старость и детство рассматриваются как обуза для социума, в особенности старость и болезнь, хотя есть множество программ «гуманного отношения» к соответствующим категориям населения. Эта активистская позиция доминирует в современном обществе вообще, однако, надо признать, что побочное ее следствие, т. е. высокая ценность здоровья, невозможно не признать здравым. Только само здоровье понимается очень узко, поскольку опирается это понимание на идею человека-вещи, которой можно манипулировать, на которой можно даже испытывать «достижения медицины», а сама медицина постепенно пре-

вращается в бизнес. Здоровье понимается как телесное здоровье, а старость и болезнь как естественные и неизбежные состояния человека. Это и есть основной «пункт» идеологии современной медицины. Существует, тем не менее, ряд исследований, которые опровергают неизбежность болезни и старения, но чтобы принять результаты этих исследований, необходима «идеологическая революция» в медицине, а, возможно, и не только в ней. И здесь, как всегда и везде, убеждения есть первый враг истины, изменять их очень трудно: «В душах большинства людей есть врожденное зло, величайшее из всех зол; каждый извиняет его в себе и вовсе не думает его избегать. Зло это заключается вот в чем: говорят, что всякий человек по природе своей любит самого себя и что таким он и должен быть... Из этого заблуждения проистекает и то, что всем собственное невежество кажется мудростью. Поэтому-то мы и считаем, что знаем все, тогда как мы не знаем, можно сказать, ничего»¹³. Истинное же здоровье изначально отрицает это «величайшее зло», потому что оно есть открытость человека к бесконечному будущему Вселенной.

Примечания

- ¹ Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // Система современных обществ. М., 1997. С. 222. Парсонс обучался вначале биологии, лишь затем обратился к философии и социологии; впоследствии он провел ряд исследований в области социологии медицины.
- ² Понятно, что они в реальности не представляют собой некие сущности, они разделяются лишь аналитически.
- ³ Там же. С. 239.
- ⁴ Там же.
- ⁵ В частности, эти фундаментальные четыре функции были результатом соединения четырех элементарных переменных образца ориентации и классификации, выдвинутой Бейлзом в анализе процесса взаимодействия (*Bales R.F. Interaction process analysis: a method for the study of small groups. 1950*).
- ⁶ В Советском Союзе, несомненно, интенсивно шли процессы модернизации, но не на уровне социетальной системы. Промышленная, демократическая революция и революция в образовании происходили, хотя и не «снизу», а «сверху». Идеология марксизма, в этом смысле, исполняла роль, аналогичную аскетическому протестантизму в развитии капитализма.
- ⁷ А это значит, что прежние «интеграторы» (например, религия) уже не могут играть ту же роль в модернизирующемся обществе.

- ⁸ Кстати, известная иерархия ценностей, предложенная М.Шелером, в которой на вершине находится ценность святости, может рассматриваться как система, соотносимая с традиционным, но не модернизирующимся обществом.
- ⁹ Это становится понятным в контексте общей проблемы связи между личной и социальной системами: «Прежде всего, нам придется устанавливать адекватные теоретические связи между психологией индивида, функционированием социальных систем во многих и разных измерениях и укорененностью нормативных факторов в культурных системах. Одна из проблем во всем этом – как избежать элементарной дихотомизации типа **Gemeinschaft-Gesellschaft**, которая поразительно похожа на дихотомию социализм-капитализм. Среди теперешних интеллектуалов распространена вредная тенденция полагать возврат к относительно примитивному уровню **Gemeinschaft** единственным лекарством против того, что обычно принято считать нездоровыми явлениями и моральными пороками современного общества» (Там же. С. 246).
- ¹⁰ То, что традиционно называется «высшей реальностью». Религиозное сознание (мы не говорим об эзотерическом или мистическом) эту высшую реальность полагает вне человека. В противном случае не было бы никакого смысла в существовании религии. Однако человек сам и есть высшая реальность, воплощенная в теле (физическом и тонком).
- ¹¹ Этот термин я заимствую из информационно-энергетического учения С.С.Коновалова, хотя в его учении он применяется исключительно к состоянию человеческого организма.
- ¹² Мы, разумеется, тоже рассуждаем абстрактно, поэтому не надо видеть в этом призыв к анархии, речь идет в данном случае только об анализе безо всяких практических применений.
- ¹³ *Платон*. Законы, кн. Пятая, 732-b.